

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ ВОЛК?

Передо мной в проеме приоткрытой двери на полу сидела женщина. В комнате за ее спиной, я видела, стояли кастрюльки, баночки — тоже на полу.

— И вы здесь едите? — невольно вырвалось у меня.

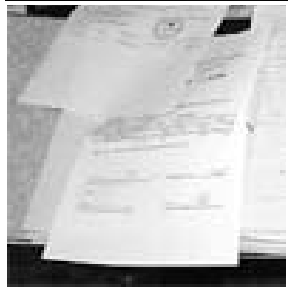
Женщина утвердительно кивнула, и ее лицо жалко дрогнуло. А усталые руки не переставали машинально гладить колени, чтобы унять противное нытье в суставах. И чем больше рассказывала она о себе, тем горше становилось у меня на душе.

Инна (имя изменено) всегда жила по заповеди: раньше думай о Родине, а потом — о себе. И не потому, что так учили — просто по характеру такая. Даже в преклонном возрасте она всем помогала: навещала больных, помогала грузить тяжести, хлопотала на похоронах, а затем ухаживала за чужими могилами. Так уж сложилось, что в Орле, куда в начале 1950-х она приехала по распределению после института, она так и не обзавелась семьей. Смысл жизни стали работа и помощь тем, кто в ней нуждался. Уже по тому, что в юности выбрала неженскую профессию — специалиста по сварочным работам, можно судить о сильном и независимом характере этой женщины. Начала в спеццехе завода "Текмаш". С ликвидацией спецпроизводства перешла старшим инженером в отдел. Позже ее знания пригодились в СКБ завода "Химтекстильмаш", при госприемке... На пенсию уходила почти в 60 со стажем в 39 лет.

В 4-комнатной квартире, где состоялась наша встреча, Инна Андреевна получила комнату в 1953 году. Тогда кроме нее тут жили еще три семьи, но со временем коммуналка "рассосалась", и в оставшихся трех комнатах обосновался молодой сосед. Вполне на законных основаниях: почти 30 лет назад он здесь родился, и родители, переехав в отдельную квартиру, эту оставили к тому моменту уже женившемуся сыну. Нельзя сказать, что молодой человек тяготился присутствием пожилой соседки. Однако, когда однажды она вернулась домой без ключей, украденных в общественном транспорте, ей просто не открыли дверь. Ни к чему не привели и повторные попытки проникнуть на законную жилплощадь. Мало того, вскоре обнаружилось, что входная дверь заменена и "усилена" вторым замком.

В такой ситуации у любого человека должно было возникнуть естественное стремление разобраться с обидчиком с помощью милиции. Но Инна Андреевна как-то ступевалась, безмолвно отступила, найдя приют у подруги. Было это лет семь назад.

Однажды, когда Инне Андреевне все же удалось проникнуть в свою комнату, об-

наружилось, что дверь в ее комнату взломана и туда перекочевал стол с коммунальной кухни. (Когда я пришла к ней после тревожного звонка в редакцию ее соседей по подъезду, кухонный стол загромождал проход узкого коридора, зато кухня была застлана ковром и уютно обставлена капитально обосновавшимися здесь молодыми хозяевами).

По мере того, как скиталица из одного пристанища перекочевывала в другое, в квартире по месту ее прописки происходили благоприятные изменения. Старая электропроводка с торчащими наружу проводами была заменена на внутреннюю. Но при этом подача электроэнергии в вынужденно пустующую комнату была обрублена. Наведен порядок в санузле, даже с заменой двери. Словом, хозяйская хватка молодого соседа ощущалась зримо. Перед Инной Андреевной иногда и открывали входную дверь, но ключи ей, тем не менее, не доверяли. Так что пожилая женщина, чтобы избежать унижений, предпочла жить у приятившей ее подруги.

Но все когда-нибудь кончается. Приятельница умерла, и наследники попросили приживалку покинуть дом. Еще какое-то время она ютилась у

соседки по подъезду... В общем, последним пристанищем скиталицы стал железнодоро-

рожный вокзал. 10 рублей платила за вход в верхний зал ожидания. Каждый раз при необходимости — за туалет по 5 рублей. Поскольку на вокзале постоянно проверки и патрули, приходила после них, не раньше 11 вечера. В 6 утра уже надо было освобождать помещение. Спать приходилось сидя. Вот нагрузка на ноги и дала о себе знать: оказались изношенными хрящевые ткани коленных суставов. Обнаружилось это уже потом, когда милиция все-таки "вычислила" бездомную и, узнав, что у нее есть комната в коммуналке, предприняла меры воздействия на соседа...

30 ноября прошлого года скиталицу окончательно выгнали с вокзала. Попав домой, она больше чем на сутки потеряла сознание, почувствовав, что ноги ее не слушаются. Соседи вызвали скорую помощь, но ехать в больницу она отказалась.

— Да я и не думала, — говорит Инна Андреевна, — что с ногами будут такие большие проблемы. А теперь и рада бы в стационар, да не берут. Говорят, дескать, там за мной ухаживать некому.

Сейчас за страдальцей ухаживает социальный работник, три раза в неделю покупает продукты и готовит еду. Сотрудники отдела социальной защиты Железнодорожного района стараются

делать для нее все что можно. Помогли получить новый паспорт взамен украденного, восстанавливают также утраченное удостоверение ветерана труда.

— Будь у меня это удостоверение, я бы уже в прошлом году получала по 250 рублей в месяц, — сокрушается Инна Андреевна. — А то вот прислали задолженность за три года от "Водоканала", а мне, во-первых, нечем платить, а во-вторых, я здесь не жила, ничем не пользовалась. — И протянула мне "судебный приказ" за подписью мирово-

го: много лет бездомная, она счастлива, что наконец-то имеет возможность беспрепятственно находиться в своей комнате, хотя и спит на полу, подстелив под себя старые пальто, принесенные работниками социальной службы.

— Вот дождусь сестру — пусть она поможет мне привести все в порядок. А с ремонтом мне в ЖЭУ обещали помочь, — степенно рассуждает моя собеседница, продолжая потирать колени и ёрзая по полу, чтобы принять более удобную позу.

Сохраняя здравый ум, в глубине души она, конечно же, сознает, что вряд ли сестры-старушки из Молдавии и Сибири к ней приедут... Но кто знает? И она верит.

Комната одинокой женщины буквально завалена газетами, журналами, которые она много лет выписывала, покупала, чтобы после прочтения обменять на других "собеседников". Знакомой, у которой она одно время жила, бывало, приплачивала за свет, чтобы та позволяла ей вечерами читать. Сегодня она и этой радости лишена — ведь в ее комнате нет электричества. Сейчас её мысли сосредоточены только на том, чтобы, не дай бог, не кончилась мазь для растирки коленных суставов и пальцев на ногах. Она и так экономит: вместо трех раз в день втирает два: каждый небольшой тюбик хондроксида стоит больше 160 рублей. Конечно, уколы были бы эффективнее, но в больницу ее не берут. Обещали, правда, добрые женщины из социальной службы костыли. Но на фоне всех ее бед это вряд ли намного изменит положение к лучшему.

... Мне было неловко, что в отличие от хозяйки, сидящей на полу, я сидела перед нею на табуретке. И, хотя в течение более двух часов, что мы с ней разговаривали, я не снимала верхнюю одежду, по спине постоянно пробегал озноб от увиденного и услышанного. Неужели все-таки правы древние, утверждавшие: "Человек человеку волк"? Вы спросите: почему моя несчастная героиня не подала на соседа в суд хотя бы теперь? Да разве у нас человека судят за то, что он — волк?

Галина ПЕТРОВА.

P.S. Когда материал готов был к печати, из службы социальной защиты Железнодорожного района сообщили: "Орелводоканал" снял свои претензии о задолженности. Зато домоуправление предъявило героине материала счет за жилье (которым она не пользовалась) на сумму более 10 тысяч рублей.

Этот материал — наше официальное обращение в службу социальной защиты г. Орла.